

Кудрявцев-Платонов Виктор Дмитриевич

Начальные основания философии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Дмитриевич К.**
Начальные основания философии / Кудрявцев-Платонов Виктор Дмитриевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 452 с.

ISBN 978-5-519-91559-5

ISBN 978-5-519-91559-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Жизнь даютъ намъ наши чувства и непосредственное мышление; при помощи научныхъ методовъ познанія оно изслѣдуетъ предметы и старается достигнуть до болѣе глубокаго и вѣрнаго познанія о нихъ. Но и оно въ свою очередь основывается на нѣкоторыхъ предположеніяхъ, которыя признаетъ за несомнѣнныя и само собою очевидныя.

Изъ этихъ предположеній самое важное и составляющее общую принадлежность всѣхъ наукъ есть увѣренность въ достовѣрности нашего познанія и въ дѣйствительномъ существованіи познаваемыхъ предметовъ, — міра вѣшняго и внутренняго.

Но нашъ разумъ, въ своемъ высшемъ стремленіи къ вполнѣ достовѣрному знанію, не удовлетворяется непосредственною и на вѣру принимаемою достовѣрностью тѣхъ основныхъ понятій, которыя принимаются за несомнѣнныя какъ въ знаніи обыденномъ, такъ и научномъ. Онъ подвергаетъ ихъ критическому анализу съ цѣлью опредѣлить, дѣйствительно-ли они такъ несомнѣнны, какъ предполагаетъ то общее и научное сознаніе. Онъ пытается дать себѣ отчетъ въ самыхъ очевидныхъ, повидимому, истинахъ общаго смысла и наукъ, старается по возможности рачіонально обосновать ихъ, чтобы все наше знаніе въ совокупности могло назваться вполнѣ научнымъ знаніемъ, т. - е. основаннымъ не на *предположеніяхъ*, но на рачіонально провѣренныхъ и доказанныхъ началахъ. Эту задачу и беретъ на себя философское ученіе о познаніи.

На необходимость изслѣдованія о познаніи указываетъ не только самое содержаніе и задача философіи, но и ея исторія. Въ началѣ своего появленія и философія стояла на точкѣ зрѣнія обыденнаго мышленія. Первые философы не задавали себѣ вопроса о степени достовѣрности нашего мышленія; они философствовали съ полною увѣренностью, что мы можемъ знать истину и что предметы дѣйствительно

такъ существуютъ, какъ нами познаются. Но когда поступательное движеніе философіи показало, что одно и то же мышленіе, направленное къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, привело къ противоположнымъ воззрѣніямъ на самые существенные предметы философскаго вѣдѣнія, то естественно возникъ вопросъ: отъ чего же это происходитъ? Вещи ли на самомъ дѣлѣ не таковы, какъ намъ кажется, или нашъ разумъ не способенъ къ истинному познанію вещей? Возникла существенная необходимость предварительнаго изслѣдованія нашего познанія, его источниковъ, степени достовѣрности и границъ.

I.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ ПОЗНАНІЯ.

Такъ какъ исторія философіи показала, что въ рѣшеніи вопроса о познаніи философы приходили къ самымъ разнообразнымъ воззрѣніямъ и не могли придти къ соглашенію даже относительно *коренныхъ* истинъ нашего знанія, то естественно, что нѣкоторые изъ нихъ пришли къ сомнѣнію или а) въ *необходимости* раціональнаго обоснованія этихъ истинъ, или б) въ самой его *возможности*, а потому въ возможности и самаго философскаго познанія, какъ основаннаго на твердыхъ и достовѣрныхъ началахъ. Въ виду крайняго разногласія философскихъ системъ и видимой безнадёжности примиренія ихъ, во всѣ времена были мыслители, которые сомнѣвались въ возможности найти надежную точку опоры для философіи въ ней же самой, въ раціональномъ обоснованіи ея собственныхъ началъ. Имъ казались вовсе ненужными, странными, даже смѣшными усилія философовъ доказать такіа, напр., очевидныя истины, какъ существованіе внѣшняго міра, Божества, достовѣрность мышленія, обязательность предписаній нравственнаго закона.

и т. п. Имъ казалось, что если и нужно для насъ какое-либо удостовѣреніе этихъ и подобныхъ истинъ, то его нужно искать не въ какихъ-либо утонченныхъ метафизическихъ изслѣдованіяхъ, но или а) въ простомъ *свидѣтельствѣ* здраваго или *общаго смысла*, или б) въ непосредственной на чувствѣ основанной, *отрѣ* въ эти истины.

1. **Философія общаго (здраваго) смысла.** Философія общаго смысла неходитъ изъ того предположенія, что въ душѣ челонѣка самую природою напечатлѣны, какъ бы врождены всѣ высшія и необходимыя для его разумной и нравственной дѣятельности истины; такова, напр., увѣренность въ достовѣрности нашего познанія, въ бытіи Божіемъ, въ обязательности нравственнаго закона и пр. Такъ какъ эти истины суть первоначальныя и не выводимыя изъ какихъ-либо другихъ истинъ, то онѣ не имѣютъ нужды въ какомъ-либо ихъ обоснованіи или доказательствѣ. Всѣмъ людямъ прирождено чувство истины, которое съ непреодолимою силою убѣдительности утврждаетъ для насъ эти коренныя истины нашего знанія. Задача философіи должна состоять не въ доказательствѣ этихъ истинъ, а только въ ихъ открытіи и отличеніи какъ отъ другихъ производныхъ истинъ, такъ и отъ ложныхъ мнѣній, которыя мы, довѣряясь личному нашему чувству, могли бы принять за первоначальныя истины разума. Несомнѣннымъ же признакомъ первоначальности какой-либо истины, отличающимъ ее отъ всякаго другаго рода истинъ и мнѣній, служить согласное признаніе ея всѣми людьми; согласіе всѣхъ людей въ чемъ-либо, какъ говоритъ Цицеронъ, должно быть почитаемо голосомъ самой природы; разумъ частный можетъ заблуждаться, разумъ всеобщій непогрѣшимъ *).

*) Первое начало философіи общаго смысла мы находимъ у Сократа, который въ непосредственномъ свидѣтельствѣ общаго всѣмъ людямъ нравственнаго сознанія искалъ завѣренія всѣхъ высшихъ истинъ нашего

Что вѣтъ людямъ врождены нѣкоторыя основныя теоретическія и нравственныя понятія—это справедливо. Но чтобы эти понятія въ ихъ непосредственномъ видѣ, какъ они даны въ общемъ сознаніи, могли служить несомнѣнными началами философскаго познанія, съ этимъ согласиться нельзя. Этому препятствуетъ: а) ихъ неясность и неопредѣленность; б) невозможность доказать ихъ всеобщность и в) несостоятельность самаго признака всеобщности для удостовѣренія истины чего-либо.

а) Среди крайняго разнообразія людскихъ мнѣній мы, конечно, можемъ найти нѣкоторыя истины, въ которыхъ убѣждены всѣ люди, напр., что дважды два четыре, что предметы, которые мы видимъ, суть дѣйствительно тѣ предметы, какіе мы видимъ, что противорѣчить себѣ, говорить объ одномъ и томъ же и *да* и *нѣтъ*, значитъ противорѣчить коренному требованію мышленія и т. п. Но очевидно, что эти и подобныя истины, дѣйствительно одинаково признаваемые и понимаемыя всѣми, не лишенными здраваго смысла, людьми, далеко не суть тѣ положенія, около которыхъ вращаются самые живые интересы философскаго познанія и о которыхъ возникаютъ споры между людьми. Какъ скоро дѣло доходитъ до такихъ положеній, которыя имѣютъ дѣйствительно значеніе въ области нашего знанія и жизни,

знанія и жизни. Природное чувство истины, подтверждаемое согласіемъ всѣхъ людей, почиталъ критеріемъ истины Цицеронъ. Въ новой философіи начало общаго смысла поставлено во главу этой науки шотландскою школою, главные представители которой: Беатти Освальдъ Дюгальдъ-Стюартъ. На здравый смыслъ, какъ на послѣднее завѣреніе истины въ борьбѣ своей съ религіозными и политическими установленіями, ссылались обыкновенно французскіе философы XVIII вѣка: Вольтеръ, Руссо, Дидро и др. То же начало служило принципомъ философій нѣмецкихъ философовъ, такъ называемаго „просвѣщеннаго взгляда на вещи“ XVIII-го столѣтія, каковы Мендельсонъ, Реймарусъ, Вязедовъ и др. Противопоставленіе общаго, здраваго смысла философскимъ утонченностямъ и попыткамъ доказать основныя истины знанія—явленіе обыкновенное и въ наше время.

тотчасъ возникаютъ недоумѣнія, какія именно изъ нихъ мы должны признавать выраженіемъ всеобщаго разума и какой смыслъ съ ними соединять. Даже защитники философій общаго смысла разногласятъ относительно ихъ числа и значенія. А что касается до примѣненія начала общаго или здраваго смысла въ дѣлѣ нашего познанія, то о крайней неопредѣленности и неясности этого начала свидѣтельству-
 отъ уже то, что на здравый смыслъ часто ссылаются для подтвержденія самыхъ противоположныхъ мнѣній. Вообще, даже самыя общепризнаваемые истины на дѣлѣ представляются съ столь разнообразными оттѣнками у различныхъ лицъ, народовъ, въ различныя времена, что за устраненіемъ этихъ оттѣнковъ для выдѣленія изъ разнообразнаго и частнаго общечеловѣческаго, въ итогъ получаются столь общія и неясныя понятія, что они оказываются совершенно бесполезными для философскаго познанія. Всѣ люди, положимъ, увѣрены въ собственномъ существованіи, въ бытіи природы, Божества; что же касается до самыхъ понятій о томъ, что такое наше *я*, *природа*, *Богъ*, то мы встрѣчаемъ здѣсь чрезвычайное разнообразіе, даже противорѣчіе мнѣній. Но много ли будетъ для философій пользы отъ признанія этихъ общихъ убѣжденій въ бытіи нашего *я*, міра, Бога, если она не внесетъ никакого яснаго понятія о нихъ? Эти убѣжденія не предотвратятъ споровъ и разногласій касательно пониманія этихъ предметовъ, такъ какъ здѣсь всеобщій разумъ не даетъ никакого рѣшительнаго отвѣта. Для философій же важно именно правильное *понятіе* объ этихъ истинахъ, а не одно только утвержденіе ихъ какъ фактовъ общечеловѣческаго сознанія.

Не имѣя ясности и опредѣленности, положенія общаго смысла по тому самому не представляютъ и безусловной убѣдительности для разума. Если бы они сами по себѣ были убѣдительны, то невозможно было бы и возникновеніе сомнѣній

относительно ихъ истины и ихъ отрицаніе, что мы видимъ въ философiи. Правда, защитники философiи общаго смысла называютъ иногда подобнаго рода явленіе исключеніями, апомалиями, дѣломъ отдѣльныхъ личностей, умъ которыхъ извращенъ софистикою абстрактной мысли. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Когда не какія-либо отдѣльныя лица, но цѣлыя философскія школы высказывали сомнѣнія касательно достовѣрности тѣхъ или иныхъ всеобщихъ убѣжденій, когда, напр., одни, и притомъ составляющіе славу философiи, мыслители съ направленіемъ идеалистическимъ, отрицали достовѣрность познанія или бытія предметовъ чувственныхъ; когда другіе философы съ направленіемъ матеріалистическимъ отрицали самобытность духовной природы, то невольно возникаетъ недоумѣніе, по какой злосчастной судьбѣ умъ человѣка въ своемъ высшемъ развитіи такъ часто противорѣчитъ положеніямъ общаго смысла? Невольно возникаетъ сомнѣніе, такъ ли несомнѣнны изреченія этого смысла, какъ мы привыкли думать о нихъ, — кому больше вѣрить, не мыслящему, но руководствующемуся общимъ мнѣніемъ большинства, или меньшинству мыслителей?

б) Принципъ философiи, нами разсматриваемый, требуетъ для признанія какой-либо истины первоначальнаго и коренного согласія въ ней не большинства только, а всѣхъ людей. Но мы видимъ, что самыя очевидныя, повидимому, истины были подвергаемы сомнѣнію и отрицаемы. Если бы даже подобныя явленія мы стали считать исключеніемъ изъ общаго правила, то во всякомъ случаѣ мы не могли бы имѣть никакихъ ручательствъ за будущую состоятельность тѣхъ убѣжденій, которыя въ прошломъ и настоящемъ мы нашли бы всеобщими. Согласіе предшествующихъ поколѣній въ признаніи какой-либо истины не служитъ доказательствомъ, что и будущія поколѣнія также станутъ признавать эту истину. Кто поручится, что мнѣніе, въ которомъ согласны

теперь всё, не есть мнѣніе вѣка, одна изъ переходныхъ ступеней на пути къ истинѣ? Кто поручится, что черезъ нѣсколько столѣтій то, что теперь кажется неоспоримою истиною, не окажется несостоятельнымъ? Вообще философія общаго смысла безотвѣтна противъ тѣхъ, нерѣдко и высказываемыхъ предположеній, что самыя существенныя въ настоящее и прошедшее время убѣжденія (напр. религіозныя) могутъ быть только временными, исторически, а не абсолютно необходимыми убѣжденіями,—и въ этомъ ея недостатокъ.

в) Все это колеблетъ философское значеніе принципа общаго смысла, подрывая единственный критерій его истины—всеобщность. Въ самомъ дѣлѣ, изъ сказаннаго нами видно, что, строго говоря, мы можемъ найти, и то по отношенію къ настоящему только и прошедшему человѣческаго рода, не всеобщія убѣжденія, но убѣжденія большей части людей, не всеобщій разумъ, а разумъ большинства. Но то начало, по которому количественное большинство голосовъ поставляется судьей истины, если и можетъ быть допущено въ жизни практической, никакъ не можетъ быть принято началомъ знанія. Истина можетъ быть достояніемъ немногихъ умовъ, качественно возвышающихся надъ большинствомъ, и наоборотъ, заблужденіе можетъ быть всеобщимъ. Опытъ дѣйствительно показываетъ намъ, что сужденія о вещахъ большинства не всегда бывали наилучшими и даже для своего времени относительно вѣрнѣйшими. Часто случалось, что истина составляла достояніе очень небольшого числа лицъ, рѣшавшихся идти наперекоръ господствующимъ мнѣніямъ. Подобныя явленія показываютъ, что такъ называемый всеобщій разумъ, по своей ограниченности и способности заблуждаться, не отличается отъ разума частнаго и потому не можетъ быть началомъ философскаго познанія.

Наконецъ, должно замѣтить и то, что послѣдовательное приложеніе въ знаніи начала общаго смысла повело бы къ

уничтоженію самого знанія, такъ какъ знаніе не есть что либо данное и готовое, но находится въ процессѣ постоянного усовершенствованія. Строго слѣдуя началу общаго смысла, мы должны бы признать, что каждое мгновіе тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ большее число людей его раздѣляетъ. Но допустивъ это, мы не сдѣлаемъ и одного шага въ области научнаго познанія, гдѣ каждое новое открытіе, новая мысль, прежде всего является достояніемъ немногихъ умовъ, часто вступаетъ въ борьбу съ принятыми уже и освященными древностію убѣжденіями и часто только по истеченіи долгаго времени входитъ въ общее сознаніе и становится общимъ достояніемъ. Словомъ, проводя въ знаніе строго начало общаго смысла, мы остановили бы всякій прогрессъ знанія, считая верхомъ благоразумія всегда соглашаться съ большинствомъ, держаться принятыхъ теорій и господствующихъ убѣжденій. Такимъ образомъ, постоянное движеніе науки и усовершенствованіе знанія само собою опровергаетъ мысль объ абсолютной непогрѣшимости всеобщаго разума.

Эклектизмъ. Съ философіею общаго смысла въ самомъ тѣсномъ родствѣ находится то направленіе философій, которое называется *эклектизмомъ* или *синкретизмомъ* *). Эклектизмъ, отъ обыкновенной философій общаго смысла отличается тѣмъ, что представителями этого смысла признаются не просто большинство, но большинство по преимуществу мыслящее, т. -е. философовъ. Сообразно своему принципу, эклектикъ изъ системъ различныхъ мыслителей долженъ бы выбирать то, въ чемъ если не всѣ, то большая часть ихъ согласны. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ этотъ пріемъ при коренномъ различіи главныхъ философскихъ направленій

*) Эклектизмъ отъ синкретизма иногда отличаютъ такъ, что подъ эклектизмомъ разумѣютъ выборъ и сводъ согласующагося въ различныхъ системахъ, а подъ синкретизмомъ соглашеніе и примиреніе разногласнаго въ нихъ, напр., попытка соглашенія Платона и Аристотеля.

не приложимъ, то обыкновенно онъ выбираетъ изъ нихъ то, что самъ считаетъ болѣе согласнымъ съ истиною. Такимъ образомъ принципомъ эклетизма въ дѣйствительности является личное, непосредственное чувство истины. Отсюда видно, что по своему принципу эклетизмъ принадлежитъ не къ строго философскимъ направленіямъ, такъ какъ онъ принимаетъ въ свою систему тѣ или другія мнѣнія философовъ, руководясь только внутреннимъ чутьемъ истины, личнымъ здравымъ смысломъ. Конечно, такое чутье можетъ быть болѣе и менѣе чуткимъ, судя по большей или меньшей степени личнаго таланта и можетъ иногда вѣрно угадывать истину, но оно не можетъ имѣть строго философскаго характера и быть философскимъ началомъ познания. Отъ этого эклетизмъ не можетъ создать и строго научной философской системы. Эклектикъ собираетъ тамъ и здѣсь цвѣты и листья философскихъ произведеній, чтобы изъ нихъ составить растеніе; но онъ дѣлаетъ только букетъ, который совпѣ на время можетъ быть очень красивъ, но скоро вянетъ, потому что въ немъ нѣтъ внутренней, собственной жизни. Не говоримъ о другихъ недостаткахъ эклетизма: о трудности изъ разнородныхъ системъ образовать одно внутренне связанное цѣлое, отъ чего въ эклектическихъ системахъ часто внутренняя, органическая связь замѣняется внѣшней, формальной; о зависимости большей части эклектическихъ системъ отъ одной какой-либо философской системы, или господствующей въ данное время, или особенно уважаемой философомъ по его личнымъ симпатіямъ, причемъ и его собственная система уже теряетъ характеръ строгаго эклетизма и безпристрастія въ выборѣ элементовъ свѣдѣнной системы.

2. Философія непосредственнаго чувства. Философія общаго смысла исходитъ изъ того предположенія, что въ нашемъ разумѣ есть непосредственно данныя, не на умозаключеніяхъ.

разсудка основанныя и потому не нуждающіяся въ раціональномъ обоснованіи ихъ, истины, которыя и должны лежать въ основѣ всякаго философскаго познанія. Характеристическимъ признакомъ этихъ истинъ и вмѣстѣ свидѣтельствомъ ихъ достовѣрности служить согласное признаніе ихъ всѣми людьми. Но мы видѣли неудовлетворительность этого критерія истины. Поэтому другіе философы, исходящіе въ сущности изъ того же предположенія, ищутъ завѣренія основныхъ истинъ не во внѣшнемъ удостовѣреніи ихъ авторитетомъ большинства, но во внутренней ихъ самодостовѣрности, непосредственномъ чувствѣ ихъ истины или вѣрѣ. Отсюда возникаетъ новый принципъ философіи, который мы можемъ назвать принципомъ чувства или вѣры, какъ основанія знанія. Самое ясное выраженіе этотъ принципъ находитъ себя въ философіи Якоби *).

Якоби исходитъ изъ того положенія, что разсудокъ, обыкновенно почитаемый органомъ философіи, не въ силахъ твердо обосновать первоначальныя и коренныя истины знанія; къ этому мнѣнію приводитъ его совершенная бесплодность попытокъ философіи доказать такіа, напр., основныя истины, какъ бытіе міра внѣшняго, Бога, души и др.,—что, по его мнѣнію, окончательно выяснилъ Кантъ. Причина этого явленія заключается въ томъ, что всякій процессъ доказательствъ въ концѣ концовъ долженъ утверждаться на какихъ-либо первоначальныхъ и безусловно достовѣрныхъ истинахъ, но доказательство самыхъ этихъ истинъ, очевидно, невозможно. Доказать что нибудь,—значить показать, какъ это что-нибудь возможно, т. е. изъ какихъ причинъ или условій оно происходитъ. Но, очевидно, такой процессъ возможенъ только въ примѣненіи къ вещамъ условнымъ и производнымъ; мы можемъ доказывать только то, что можетъ объяснить изъ

* Якоби—германскій философъ (1743—1819).